

Н.П. ТАНЬШИНА

“ЗАМЕТКИ О РОССИИ” ФРАНЦУЗСКОГО ДИПЛОМАТА БАРОНА ДЕ БАРАНТА

Июльская революция 1830 г., восшествие на престол “короля баррикад” Луи Филиппа резко осложнили международное положение Франции. Для легитимных монархов Европы события во Франции означали возрождение революционной угрозы и вызывали опасение, что французы могут пересмотреть решения Венского конгресса, а этого не могла допустить ни одна из держав-победительниц.

Особую озабоченность революция во Франции вызвала у императора Николая I. Он был глубоко возмущен обстоятельствами прихода Луи Филиппа к власти, считая его узурпатором престола, “похитившим” корону у малолетнего герцога Бордоского. В первые дни после Июльской революции он даже носился с мыслью о возрождении Священного союза и вел переговоры с Австрией и Пруссией о совместных военных действиях против Франции. Однако после того, как Луи Филиппа официально признала Великобритания, а затем Австрия и Пруссия, Николай I тоже был вынужден признать герцога Орлеанского “королем французов”.

Несмотря на более чем прохладные отношения и ограниченные контакты между Францией и Россией, французы внимательно следили за происходившим в России, а русская тема постоянно присутствовала на страницах французских газет в 1830–1840-е годы.

До Июльской революции отношение к России и императору Николаю I во Франции было вполне благожелательным. Восстание декабристов в целом не было понято широкой французской общественностью. После казни и ссылки декабристов в европейской прессе стали распространяться известия о великодушных поступках Николая I по отношению к своим врагам: г-жа Рылеева впала в душевное расстройство после казни мужа, и государь неоднократно посылал своего адъютанта для оказания ей помощи и покровительства; отец Пестеля получил 50 тыс. руб. Из всех этих рассказов, соединенных с легендами о поведении царя в день восстания, сложилось в общем благоприятное впечатление о императоре Николае I¹.

Однако после Июльской революции и особенно после подавления Николаем I польского восстания 1831 г. отношение французского общественного мнения к российскому императору резко изменилось. Либералы, только что добившиеся власти во Франции, увидели в нем непримиримого врага, который готов вмешаться во французские дела и восстановить власть Карла X. Как отмечал известный российский историк П.П. Черкасов, “во французском обществе возникла устойчивая неприязнь к России, чего не было даже после крушения наполеоновской империи и недолгой русской оккупации Парижа”².

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

¹ *Тарле Е.В.* Россия и Запад. Статьи и документы из истории XVIII–XX вв. Пг., 1919, с. 34.

² *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008, с. 140.

То и дело возникающая тема “русской угрозы”, связанная с политикой России в Европе и на Востоке, лишь подогревала интерес к России. Во французском парламенте и в прессе регулярно шли споры о том, кем является Россия для Франции – союзницей и примером для подражания, за что выступали легитимисты³, или противником и образцом ненавистной деспотии, в чем были уверены республиканцы, называвшие царствование Николая I правлением, “достойным самых варварских времен”⁴.

В целом же представления французов о России были весьма поверхностными и расплывчатыми. Неточные, а порой и просто вымышленные сведения о близкой отставке высокопоставленных государственных деятелей России, например, наместника Царства Польского фельдмаршала И.Ф. Паскевича, о заговорах и бунтах в армии регулярно появлялись на страницах французской печати. Хрестоматийным примером негативного восприятия России как деспотичного варварского государства, чуждого европейской цивилизации, стала шумевшая книга маркиза Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”. Как известно, де Кюстин отправился в Россию искать доводов против представительного правления, а вернулся противником абсолютной монархии и убежденным либералом, именовавшим Россию “пустыней без покоя” и “тюрьмой без отдыха”. Маркиз писал: “Увидев вблизи русский народ и узнав истинный дух его правительства, я почувствовал, что этот народ отделен от прочего цивилизованного мира мощным политическим интересом, опирающимся на религиозный фанатизм”⁵. П.П. Черкасов в статье о де Кюстине справедливо отмечает, что путешествие маркиза имело негативные последствия для репутации Российской империи, которая оказалась основательно “подмоченной”, по меньшей мере, на полтора столетия вперед⁶. Можно ли считать выводы, сделанные де Кюстином, не говорившим по-русски, пробывшим в России только два месяца, посетившим лишь четыре города, объективными и обоснованными? Составил ли он адекватное представление о стране, ее народе и политических нравах? Как подчеркивает П.П. Черкасов, “автор и не ставил перед собой столь широких задач. Ни народ, ни русская культура его не интересовали. Зато государственная система и политические нравы, утвердившиеся в Российской империи, вызывали нескрываемый интерес у путешествующего литератора, равно как и живые символы этой системы – придворные, министры и чиновники”⁷.

Конечно, не только де Кюстин побывал в России и оставил свои наблюдения о нашей стране. Бывали здесь и другие французы, в том числе высокопоставленные, для которых знакомство с Россией не ограничивалось официальными приемами и петербургскими салонами: они серьезно интересовались российской историей и жизнью русского народа. Одним из них был барон Проспер де Барант, прославленный литератор и историк, либеральный политик, занимавший в 1835–1841 гг. пост посла Франции в Российской империи⁸.

* * *

Амбль-Гийом-Проспер Брюжьер, барон де Барант родился 10 июня 1782 г. в Риоме, провинции Овернь, в старинной аристократической семье. Его отец, Клод-Иньяс де Барант (1745–1814), с началом революции был арестован, но, к счастью, через некоторое время выпущен на свободу. После государственного переворота 18 брюмера он стал первым префектом в администрации Каркасона, а через некоторое время получил назначение на аналогичную должность в Женеву.

³ О позиции легитимистов см. *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004, с. 344–389.

⁴ *La Réforme*, 24.XI.1845.

⁵ *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году, т. 1–2. М., 1996; т. 2, с. 346.

⁶ *Черкасов П.П.* Кто Вы, Астольф де Кюстин? – Родина, 2009, № 3, с. 76.

⁷ Там же.

⁸ Последняя биографическая работа о П. де Баранте см. *Denis A. Amable-Guillaume-Prospere Bruguiere, baron de Barante (1782–1866), homme politique, diplomate et historien.* Paris, 2000.

Первоначальное образование, полученное Проспером, было домашним; родители уделяли самое пристальное внимание образованию детей, о чем Барант впоследствии с благодарностью писал в своих воспоминаниях: “Мои отец и мать всегда очень внимательно относились к моему образованию. Забота о детях была главным смыслом их жизни. Я не могу говорить без глубокой нежности, без невыразимой признательности о том, чем они были для меня. С тех пор, как я себя помню, они всегда занимались мною, всегда стремились развить мою душу и ум, причем просвещенно, разумно и осторожно”⁹. В 1795 г. Проспера отправили в Париж для продолжения обучения. В 1798 г. со второй попытки он поступил в Политехническую школу. В то время его занимали естественные науки, математика и геометрия.

Однако жизнь в Париже, новый круг общения, административная деятельность отца – все это способствовало увлечению Проспера политикой. В 1800 г. в Каркасоне началась его административная карьера; спустя два года он стал внештатным сотрудником в министерстве внутренних дел, публиковался в “Публицисте” и “Философской декаде”. В годы Первой империи Барант занимал должность префекта в ряде департаментов.

Государственную службу барон удачно совмещал с литературными занятиями. В 1809 г. он анонимно опубликовал “Картину французской литературы XVIII в.”, получившую большой общественный резонанс и неоднократно переиздававшуюся. В 1838 г. она была переведена на русский язык. В 1809 г. произошло важное событие и в личной жизни Баранта: 26 ноября он женился на Сезарине д’Удето (1794–1877), представительнице древней нормандской фамилии, дочери бригадного генерала и губернатора Мартиники в годы Французской революции.

Падение наполеоновской империи и реставрация династии Бурбонов не отразились на карьере Баранта. Его административная деятельность продолжилась: 14 июля 1815 г., через шесть дней после возвращения Людовика XVIII в Париж, Барант был назначен генеральным секретарем в министерство внутренних дел с титулом государственного советника. 22 августа того же года его избрали депутатом сразу от двух департаментов – Нижняя Луара и Пюи-де-Дом. В палате депутатов он примыкал к либеральному меньшинству, представленному группой конституционных роялистов, или доктринеров, лидерами которых были П. Руайе-Коллар, И. Серр, В. де Брой, а также Ф. Гизо.

5 марта 1819 г. Барант стал пэром Франции. Продолжая отстаивать либеральные взгляды и занимая места в рядах оппозиции как один из главных ораторов доктринеров, он 17 февраля 1820 г. лишился места в Государственном совете и в порядке компенсации получил назначение на пост посланника в Данию. Отказавшись от этой должности, барон решил посвятить себя научным занятиям. В 1821 г. он опубликовал работу “О коммунах и об аристократии”; в следующем году перевел драматические произведения Ф. Шиллера, а в 1824 г. начал публикацию 13 томов “Истории герцогов Бургундских дома Валуа”, имевшую большой успех и выдержавшую много переизданий. Именно за этот труд в 1828 г. Барант был избран членом французской Академии.

Падение Реставрации в ходе “трех славных дней” конца июля 1830 г. и установление режима Июльской монархии означало для Баранта возможность практической реализации либеральных принципов. Аристократ, известный ученый, умеренный политик, администратор с многолетним стажем, Барант весьма подходил для дипломатической деятельности, как бы олицетворяя умеренность Франции, ее приверженность традициям и интеллектуальный потенциал. Рассматривался вопрос о его назначении на важнейший в тех условиях пост посла в Великобритании. Кандидатуру барона поддерживал министр иностранных дел граф Луи де Моле. Однако самим англичанам больше импонировала фигура князя Ш.-М. Талейрана, который в результате и стал послом в Великобритании. Барант же в октябре 1830 г. получил назначение на пост посла при короле Сардинии и отправился в Турин, где пробыл пять лет.

⁹ *Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866, t. 1–8. Paris, 1890–1901; t. 1, p. 1.*

11 сентября 1835 г. ордонансом Луи-Филиппа барон де Барант был назначен послом Франции в Российской империи, сменив на этом посту маршала Н.-Ж. Мэзона.

Непростые отношения между Францией и Россией после Июльской революции постоянно подвергались испытаниям. Ко времени назначения Баранта напряженность возникла в связи с извечным польским вопросом, за развитием которого французы всегда следили с большим вниманием, а к полякам относились с искренней симпатией. В данном случае речь шла о выступлении Николая I в Варшаве 10 октября 1835 г. перед членами муниципального корпуса столицы. Эта очень жесткая речь, содержащая упреки и угрозы в адрес поляков, вплоть до уничтожения Варшавы, вызвала удивление в Европе и даже сомнения в том, что Николай I действительно мог произнести такие слова. Однако 11 ноября текст выступления был опубликован во французской проправительственной газете “Le Journal des Débats”.

В этих условиях положение посла Франции становилось очень деликатным. Начать с того, что само назначение на посольский пост именно барона де Баранта явилось весьма нетривиальным решением министра иностранных дел и давнего друга Баранта герцога В. де Броя. К этому времени сложилась традиция, согласно которой послами при российском дворе должны были быть люди военные: принимая во внимание военные пристрастия императора, считалось, что им будет легче, чем штатским, найти с ним общий язык¹⁰. Поэтому назначение на пост посла Баранта, штатского политика, в дипломатических кругах восприняли неоднозначно. Американский исследователь А. Глассе приводит содержание документа, обнаруженного им в архиве министерства иностранных дел Франции среди депеш Баранта. Это письмо неизвестного к неизвестному из Франкфурта от 25 сентября (7 октября) 1835 г., т.е. относящееся ко времени начала дипломатической деятельности Баранта в России. В нем четко характеризуется положение посла и отношение к нему Николая I: “Правда ли, что генерал Атален¹¹ едет в С.-Петербург? Это было бы превеликим счастьем, ибо с императором необходимо общаться лично, а г-на Баранта он не любит. За один час *личной* аудиенции генералу Аталену удастся узнать больше, чем послу за целый год. [...] Как военный, он (император. – *Н.Т.*) может найти общий язык с военным. Послов он терпеть не может. Дипломатические уловки приводят его в отчаяние”¹².

В то же время целесообразность назначения профессионального военного послом в Петербург подвергалась сомнению начиная еще с Реставрации и на всем протяжении существования Июльской монархии¹³. Французский публицист, современник Баранта, Б. Капефиг в работе, посвященной европейским политикам и дипломатам, отмечал, что Баранту, “дипломату, принадлежащему к штатскому сословию, приходилось добиваться успеха при кабинете, сплошь состоящем из военных, где все дела решаются в седле, а представления делаются едва ли не на смотрах”. Несомненным неудобством такого положения, по мнению Капефига, “была невозможность находиться подле императора во время больших парадов”. Вместе с тем, по его словам, штатский статус посла имел определенные преимущества: это давало возможность “не подвергать сомнению достоинство страны и не ставить его в зависимость от нескольких доброжелательных или враждебных слов императора, произнесенных им публично в офицерской среде”¹⁴.

Сходного мнения придерживается известный современный исследователь и переводчик В.А. Мильчина, которая пишет: “Чтобы избежать почти рабской зависимости

¹⁰ Подробно об этом см. *Мильчина В.А.* Указ. соч., с. 172–181.

¹¹ В авторском варианте здесь и далее фамилия генерала ошибочно пишется как “Аталия”.

¹² Цит. по: *Глассе А.* Лермонтовский Петербург в депешах вюртембергского посланника. (По материалам Штуттгартского архива). – Лермонтовский сборник. Л., 1985, с. 303.

¹³ См. *Гончарова Т.Н.* Французские дипломатическая и консульская службы в России (1814–1848 гг.). СПб., 2009, с. 15 (автореф. канд. дисс.).

¹⁴ *Capefigue B.* Les Diplomates et Hommes d'Etat Européens, t. 1–4. Paris, 1847; t. 3, p. 265.

от императора и его приближенных, послу следует как можно сильнее дистанцироваться от них, а в этом штатский посол преуспеет скорее, чем военный”¹⁵.

Ко времени своего назначения на дипломатический пост Барант был известен в России как литератор и историк. В литературных кругах Петербурга были знакомы с его сочинениями, при этом особой популярностью пользовалась “История герцогов Бургундских”. Однако, как справедливо отмечал Капефиг, “Барант отправлялся в Петербург не для того, чтобы представлять там самого себя или французскую литературу; он не являлся членом Академии, которому надлежало занять в России свое место”¹⁶; он был послом и как посол представлял свое правительство и своего короля”¹⁷.

В российской столице нового посла встретили весьма прохладно, несмотря на внешнюю учтивость и предельную любезность со стороны императора, императрицы Александры Федоровны и придворного окружения, о чем Барант будет постоянно докладывать в Париж.

Петербургское общество отнеслось к Баранту неоднозначно. Например, как отмечает В.А. Мильчина, П.А. Вяземский был разочарован тем, что французский посол “не говорлив, низкопоклонен, человек кабинетный, то есть учено-кабинетный, да и то знают это здесь по книгам, а изустно он себя никому не показывает или не выказывает”. Правда, спустя два года он сожалел, что “почти не воспользовался пребыванием здесь Баранта и мало сблизился с ним”, однако добавлял, что посол, по его мнению, “слишком ввелся в петербургскую жизнь”, чем “себя, вероятно, оголил и опорочил нравственно и умственно”¹⁸. Другой современник, П.Г. Дивов, в 1838 г. занимавший должность временного управляющего Министерством иностранных дел, отмечал в своем “Дневнике”, что “французский посланник бар. де Барант – писатель, человек умный и весьма тактичный”¹⁹.

В дипломатических кругах личные качества Баранта оценивали весьма высоко. М.Д. Нессельроде, супруга вице-канцлера, чей салон задавал тон в петербургском обществе, сообщала сыну Дмитрию из Бадена 25 сентября 1835 г.: “Посол, которого назначила Франция, г-н де Барант, хороший писатель; помимо его работ, о нем говорят как о человеке очень умном и очень деловом”²⁰.

Коллега Баранта по дипломатическому цеху, вюртембергский посланник князь Г. Гогенлоэ-Кирхберг, с которым у барона сложатся доверительные отношения, был убежден, что “мягкий характер” французского посла очень подходил для выполнения возложенной на него задачи²¹. Кстати, высоко оценивал деятельность Баранта в качестве посла упоминавшийся выше де Кюстин, много общавшийся с ним во время своего путешествия по России и получавший от него массу полезной информации. “Но какие же разнообразные беседы ведет наш посол! – писал де Кюстин. – Какой острый у него ум – для делового человека даже чересчур острый, – и какой урон понесла бы литература, если бы время, отданное политике, не оборачивалось изучением жизни, плодами которого еще воспользуется когда-нибудь словесность! Не сыскать человека, который был бы более на своем месте и казался с виду менее озабоченным своею ролью; талант, но без важности – вот, по-моему, в чем сегодня залог успеха для всякого француза, подвизающегося на общественном поприще. Со времен Июльской революции никому лучше г. де Баранта не удавалось исполнять тяжкие обязанности французского посла в Петербурге”²².

¹⁵ Мильчина В.А. Указ. соч., с. 179.

¹⁶ Отметим, что 23 декабря 1836 г. Барант был избран почетным членом Российской академии наук.

¹⁷ Capefigie B. Op. cit., t. 3, p. 256.

¹⁸ Цит. по: Мильчина В.А. Указ. соч., с. 447.

¹⁹ 1838 год в Петербурге (по дневнику П.Г. Дивова) – Русская старина, т. 110, 1902, с. 648.

²⁰ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, t. 1–10; t. 7. Paris, 1908, p. 264.

²¹ Гласе А. Указ. соч., с. 307.

²² Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб., 2008, с. 181.

Свои наблюдения о новом представителе короля Луи Филиппа оставила и графиня Д.Ф. Фикельмон, супруга австрийского посла в России. Она записала в своем “Дневнике” в сентябре 1837 г.: “Де Барант – очарователен в узком кружке, всегда в ровном настроении, кроткий, мудрый в своих суждениях, сердечный и, прежде всего, почтенный человек. Его разговоры увлекательны, содержательны, у него красивые и добрые дети, его жена – любезная особа, хотя ей далеко до супруга, но он любит ее”²³.

В Петербурге Барант оказался в совершенно новой для него среде. Так же как и его предшественникам, ему было трудно разорвать завесу секретности, окружавшую деятельность российской администрации. Но, ученый и историк, опытный администратор и дипломат, он был подготовлен к возложенной на него миссии. Вероятно, он был хорошо знаком с многочисленными наблюдениями, оставленными его соотечественниками, побывавшими в России, и читал известную книгу Жермены де Сталь “Десять лет в изгнании”. С этой удивительной женщиной, оказавшей существенное влияние на формирование его убеждений, Барант познакомился в 1803 г., был в нее страстно влюблен и дружбу с ней сохранил до последних дней жизни писательницы. В определенной степени представления о России 1812 г. баронессы де Сталь и наблюдения Баранта, относящиеся к России второй половине 1830-х годов, созвучны. Поэтому высказывание В.А. Мильчиной о восприятии России г-жой де Сталь вполне применимо и к Баранту: они расходятся “с предшественниками не столько в наблюдаемых фактах русской жизни, сколько в их оценке”²⁴.

Но все же Баранта в России поразило многое, и именно об этом он сообщал герцогу де Брою, принося извинения за свои попытки сформулировать мнение о незнакомой стране. В одном из писем он так характеризовал свои донесения: “Моя корреспонденция – это разговор, а не череда документов”²⁵.

В целом дипломатическая переписка Баранта, опубликованная его внуком в конце XIX в., является весьма любопытным историческим документом, в котором образованным и проницательным политиком реконструируется “образ другого”. Его донесения – это реакция иностранца на новую для него среду, политическую систему. Зачастую его корреспонденция содержит свежий взгляд на, казалось бы, привычные вещи и явления. Например, посол очень быстро уловил главную особенность российской политики и механизм принятия здесь политических решений: все важнейшие вопросы решались исключительно императором. Так, характеризуя личность генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и отдавая должное его заслугам, Барант подчеркивал: “Это, без сомнения, достойный генерал, но ему, как и всякому другому в России, не дозволено быть политическим деятелем. Его поведение и даже его мысль – это пассивное повиновение; ему незачем давать совет своему суверену, если совет не совпадает с его настроениями и наклонностями”²⁶.

В центре внимания дипломатической переписки Баранта – исключительно вопросы, связанные с дипломатией и внешнеполитическими событиями. В его донесениях мы не встретим описания России как таковой, быта, нравов русского народа; здесь нет рассказа о встречах с представителями российской интеллектуальной элиты, хотя связи Баранта были разносторонними и оживленными. Он поддерживал отношения с различными слоями столицы – от императорского дома и придворных кругов до гостиных представителей дипломатического корпуса и литераторов. Его супруга тоже устраивала приемы. С друзьями А.С. Пушкина – А.И. Тургеневым, В.А. Жуковским, князем П.А. Вяземским – Барант встречался не менее часто, чем с министрами и посла-

²³ Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. Публ., сост., подг. текста, вступ. и закл. статьи, коммент. и прим. С.П. Мрочковской-Балашовой. М., 2009, с. 360.

²⁴ См. Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. Пер. с франц., коммент. В.А. Мильчиной. М., 2003, с. 36.

²⁵ Barante P. de. Souvenirs, t. 5. p. 264.

²⁶ Ibid., p. 251.

ми, и предпочитал общаться именно с представителями российской интеллектуальной элиты, находя петербургское высшее общество скучным и унылым. 14 ноября 1837 г. американский посланник Дж. Даллас записал в своем дневнике: “Французский посол, Барант, был у нас с длительным визитом... Его беседа, всегда занимательная, этим утром была особенно приятна. Сравнивая Англию, Францию, Америку и эту страну, он очень выразительно говорил о том, что общество в России апатичное, унылое, безразличное или бесстрастное. В Париже у людей нет времени говорить о погоде или о болезнях. Здесь время тяжело давит на здоровье и настроение всех, кроме местных жителей, а они еще более тягостны, чем само время”²⁷.

Посол был хорошо знаком и многократно беседовал с Пушкиным, однако имя Александра Сергеевича упоминается в донесениях всего лишь один раз, уже после гибели поэта, в связи с распоряжением императора выслать Дантеса во Францию²⁸. В нескольких строках Барант никак не выражает своего отношения к произошедшей трагедии, он лишь сочувствует убийце Пушкина, который, по его словам, как “разбойник”, на открытых санях был выдворен из страны, без всякого уведомления о том членов его семьи²⁹.

Однако, судя по отзывам современников, Барант очень высоко ценил талант Пушкина и оплакивал потерю, которую понесла Россия. Он присутствовал при выносе тела поэта и на отпевании в церкви. В.А. Жуковский в письме к С.Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. заметил: “Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем”. Об искренней скорби Баранта писал и А.И. Тургенев: посол “французский с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о П. жалели, сказал: Барант и Герпера *sont les seuls Russes dans tout cela!*” (единственные русские во всем этом деле)³⁰. В.А. Мильчина приводит слова из письма П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу: “Чем поддержал Барант свое неотъемлемое и не заимствованное достоинство во время пребывания его в Петербурге? Ничем, за исключением живого участия, которое он оказал в горе нашем о Пушкине”. По ее мнению, в последние месяцы жизни Пушкина барон Барант входил в число его “близких и высоко ценимых собеседников – европейцев”³¹.

Литературоведам хорошо известна легенда, связавшая имена Пушкина и Баранта. Со времен выставки “Пушкин и его эпоха”, состоявшейся в Париже в 1937 г. в фойе зала “Плейель” и приуроченной к 100-летней годовщине со дня гибели поэта, считалось, что дуэльные пистолеты Пушкина и Дантеса принадлежали именно Баранту и что его младший сын, барон Эрнест де Барант³², проживавший в доме отца и служивший во французском посольстве в Петербурге, одолжил эти пистолеты своему другу – виконту д’Аршиаку, секунданту Дантеса. Однако петербургский исследователь В. Файбисович недавно опроверг эту версию, выяснив, что пистолеты были изготов-

²⁷ Цит. по: *Глассе А.* Указ. соч., с. 304.

²⁸ Об интеллектуальных контактах Баранта и А.С. Пушкина см. *Мильчина В.А.* Указ. соч., с. 441–460.

²⁹ *Barante P. de. Souvenirs*, t. 5, p. 558–559.

³⁰ *Фикельмон Д.* Указ. соч., с. 720.

³¹ *Мильчина В.А.* Указ. соч., с. 460.

³² *Эрнест де Барант* (1818–1859) – учился в Боннском университете, получил там диплом доктора и был зачислен в штат министерства иностранных дел Франции. В 1838 г. был выпущен в Петербург отцом, который стал его готовить к дипломатической карьере. 28 марта 1840 г., после дуэли с Лермонтовым, был вынужден покинуть Петербург. Несколько месяцев провел в Париже, надеясь, что его вновь прикомандируют к французскому посольству в России. Однако эта надежда оказалась тщетной, и весной 1841 г. он получил назначение ко двору Фридриха-Августа II Саксонского. Подробно об этом см. *Гернштейн Э.Г.* Судьба Лермонтова, 2-е изд., испр. и доп. М., 1986, с. 23–34.

лены дрезденским оружейником К. Ульбрихом около 1840 г., т.е. спустя три года после дуэли на Черной речке³³.

Ни разу не упоминает Барант имени другого великого русского поэта, М.Ю. Лермонтова, хотя Лермонтов благодаря вюртембергскому посланнику князю Гогенлоэ был известен в дипломатических кругах. Его появление в гостиных дипломатов выходило за рамки обычного светского знакомства. Автор стихотворения “Смерть Поэта”, он в первую очередь привлек внимание тех дипломатов, которые были знакомы с Пушкиным и находились в Петербурге в трагические дни. Барант, хорошо знакомый с Пушкиным, принадлежал к числу самых просвещенных людей, интересовавшихся позицией Лермонтова. В январе 1840 г. Лермонтов был приглашен на новогодний бал во французское посольство³⁴.

В данном случае причины умолчания Баранта о знакомстве с ним вполне объяснимы: его сын Эрнест, которого Лермонтов вслед за Белинским именовал “салонным Хлестаковым” и ставил на одну доску с Дантесом³⁵, 18 февраля 1840 г. дрался с поэтом на дуэли. Суть конфликта состояла в следующем. Было известно, что Э. де Барант пытался ухаживать за красивой молодой вдовой княгиней Щербатовой (урожденной Шперич), якобы равнодушной к Лермонтову. Из-за этого Эрнест искал повод для ссоры с поэтом. Впоследствии утверждалось, что он был обижен на Лермонтова за отношение к французам. Ведь именно француз Дантес, считал Лермонтов, был виновен в смерти Пушкина. Но формально, по воспоминаниям современников, между Барантом и Лермонтовым ссора произошла по поводу маленького четверостишья, написанного поэтом в начале 1837 г.³⁶

Лермонтоведы неоднократно указывали на то, что дуэль Лермонтова с Э. де Барантом была спровоцирована. Подобная провокация могла преследовать двоякую цель. Прежде всего эта дуэль бросала тень на французского посла и могла повлечь за собой его удаление из Петербурга, что было бы весьма желательно в условиях обострившегося Восточного вопроса и затянувшегося отъезда российского посла во Франции графа П.П. Палена в Париж (он оставался в России на протяжении трех месяцев, и только в марте 1840 г. отправился во Францию). Кроме того, дуэль давала повод выслать из столицы Лермонтова³⁷.

Действительно, 13 апреля 1840 г. было принято решение о переводе Лермонтова в армейский полк с лишением гвардейского звания. По указанию Николая I поэт был выслан из Петербурга в Тенгинский пехотный полк, расквартированный на Кавказе и участвовавший в войне против горцев.

Дуэль сына и намерение Баранта и его супруги добиться высылки поэта нанесли ощутимый урон репутации французского посла. Г-жа де Барант писала мужу: “Очень важно, чтобы ты узнал, не будет ли затруднений из-за г. Лермонтова... Поговори с г. Бенкендорфом, можешь ли ты быть уверенным, что он (Лермонтов. – *Н.Т.*) выедет с Кавказа только во внутреннюю Россию, не заезжая в Петербург... Было бы превосходно, если бы он был в гарнизоне внутри России, где бы он не повергался никакой опасности”. Как негодуяще отмечала известная исследовательница творчества Лермонтова Э. Гернштейн, “историк, писатель, дипломат – Барант (и его супруга) считает лучшей участью для поэта пребывание в провинциальной казарме николаев-

³³ *Файбисович В.* Пистолеты из Амбуаза. Конец одной легенды. – Нева, 2009, № 6, с. 209.

³⁴ Перед этим приглашением Барант через А.И. Тургенева справлялся, действительно ли Лермонтов в своем стихотворении “Смерть Поэта” поносит не только Дантеса – убийцу А.С. Пушкина, но и всю французскую нацию. Удостоверившись, что это не так, посол пригласил Лермонтова на прием. См. *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч., с. 19.

³⁵ “Je deteste ces chercheurs d’avantures (Я ненавижу этих искателей приключений), – говорил он. – Эти Дантесы и де Баранты — заносчивые сукины дети”. Цит. по: *Файбисович В.* Указ. соч., с. 205.

³⁶ См. *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч., с. 20.

³⁷ См. *Гласе А.* Указ. соч., с. 309.

ской армии! И все это для того, чтобы обеспечить карьеру своему легкомысленному сыну!”³⁸.

В петербургском обществе нашлись люди, которые были возмущены поведением Барантов и полностью встали на защиту Лермонтова. “Среди всех, с кем мы встречаемся, воцарилось равнодушие и забвение после строгого и справедливого осуждения и забвения г. Лермонтова”, – писал посол секретарю посольства барону д’Андре 23 мая (4 июня) 1840 г. Не желая ссориться с русским обществом, Барант склонялся к тому, чтобы принять участие в хлопотах о прощении Лермонтова, но шеф жандармов А.Х. Бенкендорф всячески отговаривал его от этого шага, продолжая чернить поэта³⁹.

* * *

Пребывание барона де Баранта в России не ограничивалось только столицей, придворным обществом, дипломатическим корпусом и петербургскими салонами. В январе 1838 г. Барант получил отпуск и несколько месяцев провел во Франции. Вернулся в Россию он морским путем, через Константинополь и Одессу, куда прибыл 16 августа. Отсюда началось путешествие Баранта по России. После двухнедельного пребывания на карантине в Одессе посол морем отбыл в Ялту, посетил Севастополь⁴⁰, Симферополь и Перекоп, откуда через Харьков, Курск, Орел и Тулу направился в Москву, где уже побывал два года назад, и регулярно записывал свои наблюдения. Эти путевые заметки, наблюдения Баранта о русском народе, его менталитете и нравах были опубликованы в 1875 г. его зятем бароном де Нерво под названием “Заметки о России”⁴¹. О своем путешествии Барант докладывал главе кабинета графу Л. де Моле 19 октября 1838 г.: “Я сделал много наблюдений, которые помогут мне лучше понять истинный дух России, ее настоящую сущность и ее внутренние силы”⁴².

Россия, какой ее увидел французский посол, весьма отличается от России маркиза де Кюстина, хотя, как отмечает В.А. Мильчина, для де Кюстина, который не общался в России ни с кем из русских, кроме горстки придворных, беседы с бароном по некоторым вопросам были едва ли не единственным источником информации⁴³. Если в сознании де Кюстина придворное окружение, с которым он столкнулся в Петербурге, отождествлялось с понятием “народ” и по этой части общества он судил о подлинной России и ее людях, то Барант попытался узнать Россию изнутри. Он видел ее разную: парадно-помпезную, торжественную и будничную. Он видел роскошные дворцы, купеческие дома и убогие хибары, петербургских франтов, крестьян и “мужиков”.

Конечно, для заморского гостя не строили “потемкинских деревень”, но местные власти к его визиту готовились тщательно и в соответствии с инструкциями из столицы, а кроме того, как полагают Барант, “желая угодить императору”, оказывали ему самый радушный прием.

Посол сообщал министру Моле: “Путешествие, во время которого я мог столкнуться со столькими сложностями и неудобствами, пересекая безлюдные края, останавливаясь в населенных пунктах, где даже не было постоянного двора, оказалось для меня легким и удобным по причине заботы и услужливости, которыми меня окружили русские власти. Повсюду были разосланы приказы, и к моим услугам всегда были перекладные лошади. Не только исправник заботился о том, чтобы я ни в чем не нуждался; везде меня приветствовали высокопоставленные чиновники. При въезде в город меня встречал начальник полиции, который сопровождал меня до предостав-

³⁸ См. *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч., с. 33. Однако действия Баранта и Бенкендорфа на этот раз успеха не имели, и в начале февраля поэт приехал в Петербург в отпуск.

³⁹ Там же, с. 32.

⁴⁰ Севастополь как военный порт, откуда Россия могла угрожать Константинополю, по словам Баранта, являлся “главной целью его путешествия”. – *Barante P. de. Souvenirs*, t. 6, p. 132.

⁴¹ *Barante P. de. Notes sur la Russie. 1835–1840.* Paris, 1875.

⁴² *Barante P. de. Souvenirs*, t. 6, p. 136.

⁴³ *Мильчина В.А.* Указ. соч., с. 444.

ленного мне жилища; чаще всего это был дом самого богатого местного купца. Там меня ожидала торжественная встреча с губернатором. В моем распоряжении всегда была военная почта. Чтобы оказать мне честь, городское руководство являлось ко мне с докладами. Меня в подробностях знакомили с публичными заведениями, к которым я демонстрировал большой интерес, понимая, что очень важно польстить самолюбию русских властей”⁴⁴.

От прославленного историка, члена Академии, можно было бы ожидать обстоятельного научного труда, но его “Заметки о России” – это именно наблюдения, впечатления от страны и ее обитателей, путевые записи, сделанные без какой-либо системы и четкой структуры. Барант сообщает о том, что его интересовало, прежде всего как администратора, управленца с многолетним стажем, как либерального политика. Он много пишет о российском крестьянстве и крепостном праве, о законодательстве и праве собственности в России, о религии и церковных учреждениях, о системе образования, состоянии банковской сферы и финансов, о купечестве и торговле. Это описание повседневной жизни русского народа, его низших и средних слоев. Мы не найдем здесь столичного блеска, позолоты и глянца; здесь нет придворного общества и петербургских франтов; а также политики как таковой – ни общегосударственного, ни местного масштаба. Но в “Записках” чувствуется душа русского народа, его колорит, очевидная симпатия Баранта к России, равно как тревога и боль за ее судьбу.

* * *

Представление Баранта, французского интеллектуала и дипломата, о русском народе складывалось на основе собственных наблюдений, подтвержденных суждениями его соотечественников, проживавших в России. Он пришел к выводу, что русский человек по своему менталитету и складу ума весьма отличается от человека западного, особенно воспитанного в протестантской вере с ее “этикой достижения”. Одним из важнейших свойств русского национального характера Барант называет “апатию и отсутствие духа состязательности”: “Русский человек не понимает, что ценой собственных усилий он может изменить свое положение в обществе”. Однако посол полагал, что в этом отношении “уже произошли большие изменения и что в более или менее обозримом будущем прогресс будет еще более очевидным”⁴⁵.

Русскому национальному характеру присущи “мягкость и безропотность”, что, по словам посла, “весьма удобно правительству и имущим классам”⁴⁶. Он писал: “Терпеливая покорность и смиренная преданность крестьян императору или помещику – тема, о которой русские даже в частных беседах распространяются в тоне выпрепнем и сентиментальном, восхищенном и умиленном”⁴⁷.

Барант подмечает еще одну особенность национального характера: русский человек энергично берется за любое дело, однако его запал очень быстро исчезает и дело не доводится до конца. В качестве примера он приводит рассказ своего соотечественника, генерала Потье, проживавшего в России с 1810 г., о русском рабочем, которому поручили новое для него дело: “Он быстро прогрессировал и быстро всему научился; однако потом это чувство любопытства и новизны прошло, рабочий впал в полное безразличие, совершенно не заботился о своей работе и занимался только тем, что создавал видимость деятельности, опасаясь наказаний, упреков или снижения оплаты; часто бывает выгоднее использовать ученика, чем опытного рабочего”⁴⁸.

Барант приводит также эпизод, связанный с пожаром в Зимнем дворце, произошедшим вечером 17(29) декабря 1837 г. и произведшим там огромные разрушения.

⁴⁴ Barante P. de. Souvenirs, t. 6, p. 140–141.

⁴⁵ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 98–99.

⁴⁶ Ibid., p. 56.

⁴⁷ Цит. по: Мильчина В.А., Основат А.Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 год”. СПб., 2008, с. 919.

⁴⁸ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 56.

Император желал, чтобы дворец, от которого уцелели лишь стены и своды первого этажа, был восстановлен как можно быстрее. Для достижения этой цели на строительстве в неимоверно тяжелых условиях трудилось ежедневно по 8–10 тыс. работников. Посол так писал о спешке при строительстве: “В России любят, чтобы все делалось быстро; когда в деле возникает какая-то заминка, русские теряют к нему всякий интерес. Император в этом отношении, как и во многих других, очень похож на свой народ”. Государь навещал строительство каждый день, считая его “главным делом своей жизни и своим первым долгом”⁴⁹.

Среди качеств, присущих русскому национальному характеру, Барант также называет восприимчивость низших слоев к разного рода слухам. На страницах своих “Заметок” он рассказывает о том, как в Воронежской губернии прошел слух, будто бы за Уралом всем крестьянам, желающим там обосноваться, дают землю в размере пяти десятин. Доведенные до отчаяния голодной жизнью, более 20 тыс. крестьян, по словам Баранта, с семьями и детьми, погрузив на телеги свой жалкий скарб, отправились в путь. “Если русский крестьянин во что-то страстно поверил, – писал он, – его невозможно переубедить; ему свойственно упорное недоверие ко всякому, кто пытается оказать на него давление. Это было жалкое зрелище; многие крестьяне умерли от голода и лишений, прежде чем их заставили вернуться”⁵⁰.

Вовсе не идеализируя Россию и понимая, что ей далеко до цивилизованной Европы, Барант увидел главное: Россия встала на путь модернизации и медленно, но неуклонно движется в том же направлении, что и Европа. В этой связи он проводил водораздел между временем правления императора Павла I и николаевской Россией. Посол писал: “Между Россией 1801 г. и Россией 1837 г., между эпохой безумств Павла и царствованием императора Николая, существуют важные различия, хотя форма правления и общественные классы внешне остались теми же”. В чем же барон усматривал эти важные различия? По его убеждению, они заключались в укрепляющейся силе общественного мнения, разбуженного знакомством с Европой в ходе наполеоновских войн и “грозы 1812 года”. Несмотря на то, что русская нация не получила правовых институтов для отстаивания своих интересов, власть была вынуждена считаться с общественным мнением. Как видим, Россия Николая I вовсе не представлялась французскому дипломату полицейским государством, в котором господствовал раболопный обскурантизм, мысль притуплялась, а свободное слово пресекалось на корню.

В то же время, отмечая общность путей развития России и Европы, Барант подчеркивал, что Россия имеет собственную специфику, что ее нельзя подгонять под западные шаблоны и стереотипы. Об этом он писал министру иностранных дел графу де Моле 22 февраля 1838 г.: “Система управления и законы, действующие в [Российской империи], не могут сравниться с законами европейских государств. Их нужно рассматривать только применительно к русскому народу и к территории, на которой они действуют. Всё и всегда там было отлично от того, что существует на Западе, и мы рискуем ничего не понять, если будем судить о русских по нашим меркам и представлениям”⁵¹.

Характеризуя состояние российской политической системы, Барант подчеркивал, что в современной ему России абсолютная власть не имеет своим началом “персональные фантазии” суверена: “Очевидно, между государем и подданными существует негласный договор, основанный на убеждении, что власть должна служить общественному благу, действовать в соответствии с разумом и справедливостью”. Россия, по словам дипломата, не является больше олицетворением “восточного деспотизма и варварства”, “империей, подчиненной капризам своего господина”. Она прошла путь

⁴⁹ Ibid., p. 304–306.

⁵⁰ Ibid., p. 60.

⁵¹ Цит. по: *Черкасов П. П.* Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863). – Россия и Франция. XVIII–XX века, вып. 8. М., 2008, с. 168.

от “абсолютной монархии, опирающейся на волю и страсти суверена”, до монархии внешне также абсолютной, но “ощущающей свой долг по отношению к стране и использующей свою власть во имя общественного блага”⁵².

Но не только власть изменила свое отношение к народу; изменились, по мнению Баранта, и сами люди. Несмотря на то, что “классы, составляющие нацию, остались в прежнем состоянии, без расширения их прав, без видимого изменения их положения, они уже далеко не те, какими были 30 лет назад”⁵³.

Итак, монарх, пусть абсолютный, но вынужденный учитывать фактор общественного мнения и ответственный за судьбу отечества; общественное мнение, пусть без “трибуны и газет”, но начинающее заявлять о себе; массы трудового населения, еще далекие от общественной жизни, но в будущем способные оказывать влияние на принимаемые в стране политические решения, – такой Баранту, либеральному политику, стороннику режима представительного правления, виделась Россия. Именно в умеренных реформах, в диалоге между государством и формирующимся гражданским обществом, по его убеждению, заключался залог стабильности и спокойствия государства и гарантии от революционных потрясений, свидетелем которых он был у себя на родине и опасность которых видел в России вследствие нерешенного крестьянского вопроса и крепостного права. В то же время Барант, убежденный противник неограниченной власти, факт существования абсолютной власти в России признавал совершенно для нее необходимым. Характерно, что это убеждение было свойственно едва ли не всем послам Франции в рассматриваемый период.

* * *

Положению крестьянства, крепостничеству посвящены многие страницы “Заметок” Баранта. Во Франции с давних пор существовала устойчивая неприязнь к сохранявшимся в России до середины XIX в. проявлениям “азиатского деспотизма”. Как отмечает П.П. Черкасов, крепостная зависимость десятков миллионов крестьян, по мнению французов, являлась одним из наиболее очевидных свидетельств “патриархального варварства русских”. По словам историка, это была одна из причин, по которой “многие во Франции не склонны были считать Россию полноценным европейским государством”⁵⁴.

Начинает Барант с идиллического повествования о крепостных шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, с которым был хорошо знаком и который рассказывал послу, будто бы его крестьяне, ощущая себя “счастливыми и довольными”, сами предложили увеличить оброк, лишь бы он отказался от намерения их продать⁵⁵. Подобные суждения Барант слышал и от графа Орлова: “Нередко когда крестьяне, если они довольны своими господами, приходят им на помощь и оплачивают полностью или частично их долги, лишь бы только они не продавали свои земли и крестьяне не перешли к другому хозяину”. Граф Орлов рассказывал Баранту, будто его дядя, Григорий Орлов, слыл таким добрым помещиком, что когда он покупал очередные земли с крестьянами, те сами предлагали оплатить часть суммы⁵⁶. Аналогичные суждения Барант слышал и от своего соотечественника, генерала Потье, от которого получил “самую полезную и полную” информацию о русском народе. Так вот, генерал Потье, прочно обосновавшийся в России, ставший здесь крупным земельным собственником вследствие удачной женитьбы, уверял Баранта, что крепостные крестьяне в России “не только не жалуются на свою судьбу, но считают себя совершенно счастливыми и абсолютно свободными”. «Взгляните, – говорил Потье, – есть ли в Европе муниципалитеты, имеющие такие

⁵² *Barante P. de. Notes sur la Russie*, p. 104–105.

⁵³ *Ibid.*, p. 108.

⁵⁴ *Черкасов П.П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863)*, с. 168.

⁵⁵ *Barante P. de. Notes sur la Russie*, p. 34, 36.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 74–75.

обширные свободы, как русские крестьяне? Они выбирают своих магистратов, сами распределяют налоги, которые следует платить собственнику и общине, по своему усмотрению поставляют рекрутов. Часто у них нет другого управляющего, кроме как выборного магистрата, или “головы”»⁵⁷. Действительно, положение государственных крестьян в России было лучшим, нежели владельческих. У них были введены зачатки самоуправления; “сельские общества” и волости имели свои сходы, избирали “голов”, “старшин” и особых судей; их обеспечивали зерном в неурожайные годы, давали податные льготы, малоземельных наделяли землей.

Несмотря на подобные заверения, Барант сомневался в существовании социального мира между крепостными и помещиками. Он писал, например, о том, что из-за крестьянских волнений и участвовавших случаев расправ крестьян над помещиками некоторые из них “не рискуют жить на своих землях и никогда там не бывают”⁵⁸. Как отмечает В.А. Мильчина, “Барант был одним из редких собеседников А.С. Пушкина, склонных внимательно прислушиваться к его рассуждениям об угрозе, которую таит в себе крестьянский бунт”⁵⁹.

В бытность Баранта в России крестьянские восстания вспыхивали постоянно. На страницах “Заметок” он описывает крестьянский бунт в Симбирской губернии и отмечает: “Каждый год в разных частях империи происходят подобные вспышки, однако их всегда более или менее быстро и с легкостью подавляют”. Однако, продолжает дипломат, “ни правительство, ни помещики об этом ничего не говорят, по крайней мере, иностранцам. Благодаря расстояниям и редкому населению, эти восстания все-гда носят локальный и изолированный характер”⁶⁰.

Кроме того, социальная гармония между крепостными и помещиками, по словам Баранта, вряд ли была возможна по причине отсутствия у крестьян и в целом у низших сословий гражданских прав. Он писал: “Куда может пойти свободный крестьянин?.. Допустим, что у него есть деньги, но закон не позволяет ему приобрести землю, поскольку он не дворянин. Может быть, он найдет себе применение в другой сфере? Но там есть свои работники и в его услугах никто не нуждается. Он оказывается привязанным к земле и становится неотделим от нее”⁶¹.

Именно в отсутствие соответствующей законодательной базы Барант усматривает одно из главных препятствий для развития в России среднего класса. Он отмечает, что богатые крестьяне, покупающие у помещика на год паспорт и занимающиеся в городе торгово-предпринимательской деятельностью, “владеют домами, шахтами, магазинами, но всегда от имени своего хозяина, поскольку они не могут быть собственниками”. Более того, как считал дипломат, эти крестьяне зачастую предпочитают оставаться под патронажем своего господина и не выкупать себе свободу: “Они полагают, что, став свободными, не будут иметь никаких гарантий перед полицией, администрацией и судами. В России совершенно не развито правосудие. Всякое предприятие, всякое незначительное дело там решается либо по протекции, либо за деньги, поэтому свобода для разбогатевшего крепостного будет скорее обременительна, чем полезна”⁶². Что касается коррупции, то Барант специально останавливается на теме взяточничества чиновников. Взятки в России, по его мнению, – дело до такой степени привычное, что, когда судьям увеличили жалованье, они ровно во столько же раз увеличили размер взяток⁶³. “Цена выкупа (крестьянина. – *Н.Т.*), – продолжает посол, – определяется хозяином и обыкновенно, чем богаче крестьянин, тем большую сумму выкупа с него требуют”. В качестве примера Барант приводит случай с крепостным графа Шере-

⁵⁷ Ibid., p. 57–58.

⁵⁸ Ibid., p. 299.

⁵⁹ Мильчина В.А. Указ. соч., с. 444.

⁶⁰ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 311.

⁶¹ Ibid., p. 263–264.

⁶² Ibid., p. 45.

⁶³ Ibid., p. 137.

метьева, богатым столичным торговцем, который, узнав, что барин проиграл крупную сумму денег, тут же предложил ему 100 тыс. рублей в качестве платы за свою свободу. В результате крестьянин получил вольную; в ином случае граф отказал бы ему или же заставил платить гораздо больше. “Однако, – удивляется Барант, – граф Шереметев является самым богатым землевладельцем во всей империи и известен своим мягким отношением к крестьянам”⁶⁴.

В России Баранта пытались убедить в том, что совершенно неправильно оценивать крепостное право в России с точки зрения западноевропейских ценностей и подходов. Дескать, в России отношения между крестьянами и помещиками носят патерналистский характер. Он и сам отмечал, что эти отношения не имеют ничего общего с жестокостью польских панов или немецких помещиков; в России, по словам Баранта, нет ни “иерархии вассалитета, ни междоусобных войн между феодалами”, а “традиционная национальная мягкость сделала положение крепостных более сносным”⁶⁵. По его мнению, “в России либо в силу привычки и обычая, либо из-за чувства самосохранения существует своего рода бережное отношение к низшим классам. Крепостными не владеют с заносчивостью средневекового сеньора или колона с Антильских островов. Здесь очень хорошо понимают, что крепостного права не должно быть и что когда-нибудь в будущем его не будет”⁶⁶. Это состояние общественного мнения “существенным образом сказывается на отношении господ к крепостным и в целом высших классов к низшим”⁶⁷.

Вместе с тем Барант предостерегал, что нерешенность крестьянского вопроса может привести Россию, правда, в “весьма отдаленном” будущем, к серьезным потрясениям: “Чем больше я об этом размышляю, тем больше мне кажется, что русское правительство, которое, нельзя сказать, что не предпринимает никаких мер для предотвращения восстаний, своими ошибочными действиями только готовит почву для будущих потрясений”⁶⁸.

Со времени востшествия Николая I на престол, сопровождавшегося восстанием декабристов, выступавших за отмену крепостного права, его постоянно преследовали мысли о необходимости решения “аграрного вопроса”. Об этих настроениях императора сообщал и Барант. В письме графу де Моле от 12 декабря 1837 г. он отмечал, что государь желает приготовить отмену крепостного права, “великий переход”, а спустя некоторое время писал: “Император очень надеется, что в его царствование во владениях, принадлежащих государству, можно будет установить режим, который сделает крепостного крестьянина арендатором определенной части земли, платящим арендную плату”. За казной, по мнению Баранта, должны были последовать помещики: это последнее обстоятельство “всякий предвидит”⁶⁹. К. Перье, с 21 августа 1841 г. по 14 августа 1842 г. заведовавший делами посольства после отъезда Баранта из России, также отмечал, что Барант еще в 1840 г. сообщал ему, будто император готовит “проект освобождения крестьян”, не объясняя конкретно, о чем именно шла речь⁷⁰.

Как известно, по указанию императора над разрешением крестьянского вопроса

⁶⁴ Ibid., p. 45–46.

⁶⁵ Ibid., p. 312.

⁶⁶ Ibid., p. 48–49.

⁶⁷ Ibid., p. 49.

⁶⁸ Ibid., p. 312.

⁶⁹ Цит. по: *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг. – *Тарле Е.В.* Соч., т. 1–12. М., 1959; т. 4, с. 573. Сведения о том, что Барант в своих официальных донесениях в Париж неоднократно сообщал о настроениях Николая I в пользу освобождения крестьян также см. *Черкасов П.П.* Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863), с. 168–170.

⁷⁰ См. *Тарле Е.В.* Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг., с. 573.

только в 1835–1848 гг. трудились девять секретных комитетов. 30 марта 1842 г. Николай I, впервые за девять лет, явился на заседание Государственного совета и озвучил свою позицию по этому вопросу. Он решительно опроверг слухи об освобождении крестьян, но сделал важное заявление: “Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное”. Он подчеркнул, что “нынешнее положение таково, что оно не может продолжаться... необходимо... приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей”⁷¹. 2 апреля 1842 г. государем был подписан указ об обязанных, а 10 июля 1844 г. опубликован указ о дворовых крестьянах, однако оба этих документа носили факультативный характер и не имели практического результата.

Барант полагал, что эмансипация крестьян в России должна быть тщательно продуманной и подготовленной мерой, что к ней “нужно приступить с крайней осторожностью”⁷². “Разум и справедливость не могут требовать проведения внезапной реформы, которая явится настоящим бедствием”, – предостерегал дипломат⁷³. Он беспокоился по поводу слишком радикального и нетерпеливого умонастроения, которое подозревал в императоре Николае I, относительно намерения ликвидировать крепостничество. Впрочем, посол не был склонен излишне драматизировать ситуацию и делал вывод, что, “судя по внешней стороне жизни и словам большинства здравомыслящих людей, опасность не является неизбежной”⁷⁴.

* * *

Наряду с крестьянством Баранта интересовало положение российского купечества и предпринимателей, “среднего класса”. Это и понятно: французские либералы-орлеанисты, пришедшие к власти в ходе Июльской революции, именно в среднем классе усматривали залог процветания и стабильности общества и гарантию от дальнейших революционных потрясений. Установление во Франции режима Июльской монархии означало для них окончательную победу среднего класса. Барант сожалел, что этот наиболее активный и энергичный слой населения не имеет в России таких же преимуществ и социальных прав, как дворянство: “Проблема, которую император пытается разрешить, заключается в том, что он хочет, чтобы в России развивалась торговля и промышленность, рос государственный бюджет, чтобы Россия продемонстрировала себя равной Европе, но в то же время чтобы русское купечество оставалось покорным и смиренным”.

Барант рассказывает, что во время его посещения Москвы там же оказался и император, пожелавший, чтобы послу показали город “в деталях”. Барант был потрясен Москвой, особенно Кремлем: “Москва оказалась не такой, какой я ее себе представлял: в ней нет ничего готического, восточного и даже греческого; как и вся Россия, это город, не знавший средневековья. К XV веку здесь начали строить дворцы и церкви, в которых смешались подражания всем возможным стилям. [...] Тем не менее зрелище Кремля потрясло меня; это одно из самых сильных моих впечатлений такого рода. Кремль – это Москва; все остальное ново, как Петербург, и исполнено примерно в том же вкусе”. По его словам, “в атмосфере этого города уже есть или скоро появится нечто буржуазное, муниципальное, промышленное”⁷⁵.

Однажды за обедом государь поинтересовался, как дипломат провел утро. Тот рассказал, что посетил большую ткацкую мануфактуру, которая произвела на него сильное впечатление. Там трудилось 1200 рабочих, производивших продукцию превосходного качества. Император выслушал этот рассказ с большим удовольствием, однако выражение его лица изменилось, когда Барант завел речь о хозяине этого предприятия,

⁷¹ Там же, с. 574.

⁷² Там же, с. 572.

⁷³ *Barante P. de. Notes sur la Russie*, p. 41, 48–49.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 47–48.

⁷⁵ Цит. по: *Мильчина В.А., Основат А.Л. Указ. соч.*, с. 893–894.

“человеке хорошо образованном”, который “путешествовал по Франции и Англии, два года провел в Мюлузе, не носил бороды и ходил во фраке”. Оказалось, Николай I хочет, чтобы торговля и промышленность развивались, но в остальном чтобы все было, как прежде, на старый лад. И если Петр I своим боярам брил бороды, то Николай Павлович, напротив, держался за эту самую бороду, как за спасительный якорь.

На страницах “Заметок” Барант приводит случай, непосредственно связанный с пресловутой бородой. Возвращаясь из Москвы, император остановился в Вышнем Волочке. Там он встретил знакомого ему богатого купца, который поведал государю, что недавно обзавелся семьей и что его жена, получившая некоторое образование, потребовала, чтобы он сбрил бороду, дабы походить на благородного господина. Император, услышав это, обрушился на купца с упреками и приказал снова отрастить бороду⁷⁶.

Николаю I всюду мерещилось “тлетворное влияние Запада”, а следование европейской моде и образу жизни он считал чуть ли не главной причиной всех бед и несчастий России. Так, Барант повествует о встрече императора с московским купечеством. Обычно предельно доброжелательный и любезный, говоривший с отеческими нотками в голосе, на этот раз государь изменил своей манере общения, выразив недовольство поведением московских торговцев, которые, по его словам, забыли старые русские нравы и традиции, обрели вкус к роскоши и непомерным расходам, что явилось причиной ряда громких банкротств в Москве. Император упрекал купцов: «Вы остригли бороды, живете на французский манер, ваши жены читают “Le Journal des Modes”, вы прогуливаетесь в прекрасных колясках, ходите в театры, пьете шампанское. Если бы вы были такими, как ваши отцы, экономными, скромными и степенными, то никаких банкротств не было бы»⁷⁷.

Во время путешествия по югу России Баранту не раз доводилось располагаться на ночлег в домах местных чиновников или богатых купцов. Как и других французов, Баранта удивляло в России отсутствие кроватей: “В русских домах, даже самых красивых и богатых, кровать – большая редкость. Предмет этот не принадлежит к числу исконных принадлежностей славянского быта. В России люди спят, закутавшись в верхнее платье, на кожаных диванах”⁷⁸. Проезжая Харьков, он остановился в одном купеческом доме, поразившем его своей роскошью и стилем, а также контрастом между убранством дома и обликом хозяина, его образом жизни. И это, по словам дипломата, было типичным явлением. Он писал: “Жизнь, которую ведут русские купцы, с их простыми нравами, с их приниженным положением в обществе, плохо согласуется с роскошью, с которой они обставляют свое жилище. Бросается в глаза контраст между золоченой лепниной, шелковыми драпировками, резной мебелью и обликом хозяина дома с его длинным рединготом, волосами, остриженными в кружок и бородой. Обычно ни он, ни его семья не живут в этих роскошных апартаментах. Они занимают комнаты, более удобные для них. Только в исключительных случаях, в день свадьбы или по большим праздникам, они показывают свои прекрасные залы”.

Будущее, однако, по мнению Баранта, было за новым поколением предпринимателей: “Я думаю, что уже ближайшие потомки этих мужественных торговцев не будут отличаться такой же скромностью. Родители уже заботятся об образовании детей, обучают их иностранным языкам, приучают носить фрак и брить бороду. Они начинают задумываться о европейских путешествиях. Они читают книги и газеты. Юная дочь нашего хозяина говорила по-французски так же, как мы. Ее очень элегантно кабинет украшали рисунки. Она играла на пианино; ее манеры были просты и изящны. Казалось, она обучалась в парижском пансионе”⁷⁹.

⁷⁶ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 447–449.

⁷⁷ Ibid., p. 452–453.

⁷⁸ Цит. по: Мильчина В. А., Основат А.Л. Указ. соч., с. 887.

⁷⁹ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 258–260.

Главный тормоз, мешавший эффективному развитию в России торгово-предпринимательского класса, Барант усматривал в отсутствии соответствующей законодательной базы, в нерешенности вопроса, связанного с земельной собственностью и правом ее приобретения лицами недворянского происхождения. Он писал: “Если бы не существовало запрета для лиц недворянского звания и иностранцев владеть землями (с крестьянами), население, культура, промышленность, цивилизация, развивались бы более энергично и равномерно на просторах империи. Торговцы бы обогащались, капиталисты с усердием создавали бы прибыльные сельскохозяйственные предприятия. Вместо этого они могут приобретать только лес, который им продают по весьма низкой цене дворяне, когда больше нечего рубить и надо ждать долгие годы, пока лес вырастет снова”⁸⁰.

Инертность властей в этом деле Барант объяснял тем, что купечество воспринималось как сословие “слишком аморальное”, чтобы предоставлять ему более обширные права. И это при том, что торговцы беспрекословно жертвовали огромные средства на благотворительность. Барон приводит свой разговор с министром внутренних дел А.Г. Строгановым, поведавшим, что знает не одну сотню купцов в Петербурге, которые “по его первому слову, без всякого промедления и не требуя никаких объяснений, готовы предоставить по 2 тыс. рублей под одну лишь гарантию, что деньги пойдут на благое дело”. Правда, министр сожалел, что купцы отдают эти суммы “не раздумывая, с религиозной покорностью и без всякого энтузиазма”⁸¹.

К какому же заключению приходит Барант относительно развития средних слоев в России? По его мнению, средний класс в России находится еще только в стадии формирования. Несмотря на “быстрый рост потребления и производства, прогресс торговли и промышленности, в России еще не создан торговый класс и еще нет ощутимых перемен в структуре общества”⁸². Кроме того, в России еще нет потомственного среднего класса: большинство состояний, созданных торговцами, вышедшими из крепостных, существуют только в одном поколении. Их дети пока “не получают никакого образования. Они остаются людьми грубыми и невежественными. Не пройдя испытания бедностью и не обладая коммерческой жилкой, позволившей разбогатеть их отцам, они очень быстро проматывают полученное ими наследство, участвуя в сомнительных сделках или проводя жизнь в низменных и глупых наслаждениях”⁸³. Барант с горечью констатирует: “Поведение правительства по отношению к средним классам никак нельзя назвать предусмотрительным. Их богатства возрастают, развивается их торговля; им не чужды чтение и образование; их дети перенимают европейские нравы и манеру одеваться; скоро они отправятся путешествовать в Европу. И в это же самое время не делается ничего, чтобы улучшить их социальное положение, сократить дистанцию, отделяющую их от высших классов”⁸⁴.

* * *

Рассуждая о характере русского народа, Барант отмечал, что более спокойным, смиренным и подчиненным его делает свойственное русским почтительное отношение к религии и церковному культу. “Трудно себе вообразить народ, более усердный и точно исполняющий религиозные обряды, чем русские, – писал он. – Никогда человек из народа не пройдет мимо церкви, не поклонившись и не перекрестившись... В углу каждой комнаты, начиная от дворца императора и заканчивая самой бедной избой, есть икона”. В то же время, по меткому наблюдению посла, “строгое следование религиозным канонам вовсе не препятствует ни пьянству, ни нарушению порядка, ни об-

⁸⁰ Ibid., p. 62.

⁸¹ Ibid., p. 451, 455.

⁸² Ibid., p. 47.

⁸³ Ibid., p. 46.

⁸⁴ Ibid., p. 314.

ману, ни воровству”⁸⁵. Барант критически оценивал положение священников в России: “Выходцы по большей части из низших сословий, необразованные, женатые и обремененные сражаться со всевозможными обыденными нуждами, священники отправляют религиозные церемонии, но не оказывают никакого влияния на народ... В настоящее время русская религия есть религия деревенская, и ничего более”⁸⁶.

Еще одна сфера, которой живо интересовался Барант как ученый, член французской Академии, – это система образования в России на всех уровнях, от начального до университетского. По его словам, именно по этому вопросу он собрал наиболее подробную информацию, посещая учебные заведения и общаясь со сведущими людьми. Посла поразило прежде всего то, что “общественное просвещение, как и почти все в России, является совершенно новым явлением”, в то время как для Запада, “стран латинских или германских, страсть к обучению возникла параллельно с развитием цивилизации”, а “общественное просвещение всегда являлось не даром властей или плодом их стараний, а естественным результатом развития общества, который власть была обязана принять и регулировать”. Почему же Россия пошла по иному пути? – задается вопросом посол. Истоки этого явления он усматривал в выборе Россией восточного, византийского варианта христианства, а не западного, римско-католического. “Христианская религия, – писал Барант, – пришедшая в Россию из Византии, носит статичный характер восточных религий, она не содержит в себе идею прогресса”. Поэтому ни “римское право, ни законодательство империй Востока не применялись в России. Здесь никогда не существовало юридических корпораций, корпуса магистратуры, исключая Новгород и Псков. Ни один город, ни одна территория никогда не имели политических прав. Ассамблеи, законодательный корпус, прямое влияние общества на свою администрацию – ничего этого Россия не знала. Того, что в Европе называют свободными, или либеральными, профессиями, в России никогда не существовало. Русские не участвовали в этой непрерываемой традиции римской цивилизации. Никакой Карл Великий в их стародавние времена не принес на смену варварству наследие Рима и античной Греции”⁸⁷.

Правда, замечает Барант, у России был свой Карл Великий – Петр I, который, исходя из практических потребностей, создал, с одной стороны, образовательные учреждения, готовящие преподавателей, с другой – школы для подготовки узкопрофильных специалистов. На этом покоится и современная система образования в России, и именно в этом посол усматривает ее главный недостаток. “Классические дисциплины, эта универсальная основа знаний и культуры всех тех, кто не зарабатывает на жизнь физическим трудом, этот базис и отправная точка всех специальных наук, совершенно не развиваются в России”⁸⁸, – писал он. Между тем император был сторонником именно такого подхода к проблеме народного просвещения. “Надо каждого обучать тому, что он должен уметь делать в соответствии с местом, уготованным ему Богом”, – как-то заявил послу Николай I⁸⁹. Все это печалило Баранта. “Там, где нет общественного просвещения, там нет общественности, там нет власти общественного мнения... заинтересованного в развитии наук и литературы, там совершенно отсутствует универсальная интеллектуальная атмосфера, столь необходимая кабинетному ученому, эрудиту, погруженному в свои книги”⁹⁰, – отмечал он.

Серьезной ошибкой Барант считал слабое развитие в России классического образования. Он писал: “Здесь отнюдь не вынашивают проектов отказаться от изучения французского языка, но если бы Франции, ее литературе и истории, ее мысли отводилось бы значительное место в системе преподавания и это нашло бы отклик

⁸⁵ Ibid., p. 63–64, 71.

⁸⁶ Цит. по: Мильчина В.А., Основат А.Л. Указ. соч., с. 878.

⁸⁷ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 78.

⁸⁸ Ibid., p. 79–80.

⁸⁹ Ibid., p. 80.

⁹⁰ Ibid., p. 81–82.

в сердцах молодых людей, – это вызвало бы беспокойство и нетерпимость. Из года в год пытаются придать образованию как можно более русский характер, тем самым рискуя...превратить его в сугубо специальное и практическое, оторванное от научного прогресса Европы. Это изъян русской цивилизации. Похоже, она вот-вот остановится в своем развитии”⁹¹.

Особенно поражали французского дипломата строгая, казарменная дисциплина и, по существу, военные порядки, царившие в российских образовательных учреждениях: “Это дисциплина и контроль за каждым шагом ученика, это подчинение строгому распорядку в течение всего дня, это абсолютная тишина, это безукоризненность и пунктуальность поведения... Ученики, изучающие французский или немецкий язык, были похожи на военных: хором и громким голосом они отвечали на заданный им вопрос”⁹². Барант отмечал, что “всякое образовательное учреждение в России не может не иметь военного характера, поскольку для императора Николая это является истинной религией”⁹³.

Большое впечатление произвело на посла посещение московского Кадетского училища. “Образование кадетов, в глазах императора, – одна из самых важных забот его правительства. Он стремится увеличить число таких школ”. Именно в этих школах, как отмечает Барант, по мнению Николая I, должны воспитываться “русские подданные такими, какими их видит император”⁹⁴. “Ребятишки (четырёх-пяти лет) блюдут военную дисциплину так четко и неукоснительно, как если бы им завтра предстояло вступить в полк. [...] В обучении царит полное единообразие, отчего все ученики всегда остаются равны и не ведают, что такое та иерархия талантов, способностей к более быстрому ли более медленному развитию, усердия или лени, которая у нас помогает отделить – быть может, даже чересчур резко – одного ученика от другого”⁹⁵, – писал посол.

Барант уделил большое внимание развитию начального образования в России. Несмотря на то, что “правительство не особенно занималось распространением начального образования среди народа”, замечал он, достаточно большое число людей из низших слоев общества в Петербурге и Москве были грамотны: “Я то и дело видел кучеров фиакров или мужиков в лохмотьях, держащих в руках книгу. Однажды одна моя знакомая дама, прогуливаясь, повстречала внимательно читающего молодого человека; час спустя она возвращалась тем же маршрутом и увидела, что он по-прежнему погружен в чтение”.

Развитие книгоиздательского дела в России Барант считал очень хорошим симптомом: если 30 лет назад в Москве и Петербурге был один-два книжных магазина, то “сегодня это стало большим бизнесом”.

Резюмируя тему о развитии народного просвещения в России, французский дипломат писал: “Мне кажется, что, с одной стороны, правительство прилагает усилия, трудится над тем, чтобы развивать просвещение так, как оно это понимает. С другой стороны, в обществе существует свое собственное движение, независимая потребность совершенствовать свой разум и обретать знания. Это явление совсем новое и находящееся в стадии становления”⁹⁶. Оценивая деятельность Министерства народного просвещения во главе с графом С.С. Уваровым, в своем кругу Барант выразился следующим образом: “Издавека это нечто, вблизи – ничто”⁹⁷.

⁹¹ Ibid., p. 88.

⁹² Ibid., p. 82–83.

⁹³ Ibid., p. 86.

⁹⁴ Ibid., p. 90–91.

⁹⁵ Цит. по: Мильчина В.А., Осоват А.Л. Указ. соч., с. 915.

⁹⁶ Barant P. de. Notes sur la Russie, p. 97–98.

⁹⁷ Цит. по: Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006, с. 211.

Подводя итог размышлениям барона де Баранта о современном состоянии России и перспективах ее развития, необходимо отметить, что, по его глубокому убеждению, российское общество в массе своей стремится к прогрессу, к развитию, совершенствованию, однако эти импульсы пресекаются властями на корню. “Значительная часть нации, – писал он, – еще такая униженная и смиренная, значительно выросла в плане укрепления своего материального положения, приобщения к просвещению, осознания своего достоинства. Она заслуживает и стремится к лучшей доле. Но в это самое время правительство и часть высших слоев общества все больше и больше стремятся сохранить дистанцию и различия между ними и остальной страной. Они отказывают нации в правах, ставших справедливыми и законными. С помощью репрессивных мер они хотят сохранить тот порядок вещей, время которого уже ушло. Тем самым они готовят почву для революций. И чем больше эти революции будут сопряжены с изменениями не только власти, но и общества, тем более ужасными они будут”⁹⁸.

Баранту уже довелось пережить две революции у себя на родине, и он разглядел симптомы этой грозной болезни и в России. Единственным средством излечения он считал проведение тщательно подготовленных и умеренных реформ, отвечавших потребностям модернизирующегося российского общества. Однако Барант предостерегал от поспешности в деле их проведения, поскольку спонтанные и непродуманные действия могут быть столь же опасны, как и отказ от политики реформирования.

Признавая, что Николай I понимает необходимость решения крестьянского вопроса и предпринимает определенные шаги в этом направлении, Барант полагал, что царю чужды всякие либеральные и прогрессивные идеи, интенсивно развивавшиеся в Европе и вызывавшие у него лишь антипатию. Посол с сожалением отмечал: “Теперь правительство видит свою цель в том, чтобы остановить общество в его нынешнем состоянии. Долгое время император и правительство шли впереди народа, теперь они хотят его остановить”⁹⁹.

По мнению Баранта, император всячески стремился оградить Россию от духовных контактов с Европой: “Он уже преуспел в том, чтобы изолировать высшие классы не от нравов, не от моды, не от роскоши... Парижа и Лондона, но от обмена идеями и мнениями. [...] Всякое подражание за границе, вместо того чтобы быть разумно ограничено, запрещается при одном лишь намеке на сходство. Чиновники, политические деятели, важные персоны, отличающиеся интеллектом и способностями, абсолютно не знакомы с тем, что происходит в Европе”¹⁰⁰.

Впрочем, Барант был настроен весьма оптимистично и не усматривал непосредственной опасности для царя и российского государства в целом. “Его (Николая I. – Н.Т.) повеления могут быть суровыми, его воля – абсолютной и слишком быстрой, но у него больше, чем у всех окружающих, стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях нет иногда зрелого размышления, и это придает часто его правлению тираничный вид... Но, взятое в целом, его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благосостояние его подданных”, – сообщал посол в Париж 22 декабря 1838 г.¹⁰¹

Пытаясь понять ситуацию, сложившуюся в России, Барант задается следующими вопросами: “Чувствуют ли себя несчастными и угнетенными крепостные крестьяне и низшие слои общества? Пропитаны ли они духом недовольства и безмолвной ненависти?.. Есть ли в их сердцах тайные мысли, сокрытый дух бунта и мести?”. Для дипло-

⁹⁸ Barant P. de. Notes sur de la Russie, p. 315.

⁹⁹ Мильчина В.А., Основат А.Л. Указ. соч., с. 936.

¹⁰⁰ Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 314–315.

¹⁰¹ Тарле Е.В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов в 1842–1847 гг., с. 572.

мата ответы на эти вопросы вовсе не очевидны. По его словам, некоторые умные люди в России уже “объятьи страхом Жакерии” и полагают, что это “единственная революция, которая может угрожать России”. Однако, добавляет Барант, “если послушать то, что говорит большинство разумных людей, опасность не является неизбежной”¹⁰².

* * *

В августе 1841 г. барон де Барант и его супруга получили отпуск. Перед отъездом посол часто виделся с российским министром иностранных дел Нессельроде, и расстались они, по словам посла, “с уверениями в доверии и дружбе”¹⁰³. Однако в результате дипломатического инцидента, возникшего в двусторонних отношениях в конце 1841 – начале 1842 г., уровень дипломатического представительства между двумя странами был понижен¹⁰⁴. Несмотря на то, что после 1841 г. Барант не был в Петербурге, он сохранял свой титул посла до конца правления Луи Филиппа. Только после февральской революции новый министр иностранных дел Временного правительства А. Ламартин официально отправил его в отставку 7 марта 1848 г.

Революция означала крах политической карьеры Баранта. Он уехал в свой замок Дора, создал “Общество взаимопомощи рабочим и крестьянам коммуны Тьер” и возобновил исторические исследования. В 1848 г. вышла его работа “Конституционные вопросы”; в 1851–1853 гг. – шесть томов “Истории национального конвента”; в 1855 г. – трехтомная “История Директории и французской республики”. В 1859 г. были опубликованы “История Жанны д’Арк” и “Жизнь маршала Моле”, а также “Политическая жизнь господина Руайе-Коллара”. В 1861 г. вышла в свет последняя, на этот раз политическая работа Баранта “О децентрализации в 1829 и 1833 гг.”. В 1862 г., в возрасте 80 лет, Барант решил привести в порядок свои записи, сделанные на рукописных листах между страниц его работ. Они были опубликованы после смерти барона его внуком.

22 ноября 1866 г. в возрасте 84 лет Проспер де Барант ушел из жизни.

Его “Заметки о России” можно воспринимать как пример популярной сегодня “ментальной карты”, или “воображаемой географии”. Как справедливо отмечает В.А. Мильчина, “всякое изображение путешественником чужой страны есть не что иное, как конструкция, плод тенденциозной концептуализации, зависящей от множества факторов: личных убеждений пишущего, идеологической моды, исторической ситуации, степени изученности данной страны”¹⁰⁵. Все это необходимо учитывать, анализируя наблюдения французского дипломата. Однако его “Записки” в значительной степени разрушали сформировавшиеся во Франции и в целом на Западе стереотипы представлений о России. Главное, что можно вынести из “Заметок о России” – это глубокое убеждение их автора в общности путей развития европейской цивилизации и России, которую он в отличие от многих своих соотечественников отнюдь не считал варварской и деспотичной. Не склонный идеализировать российскую действительность, Барант, тем не менее, продемонстрировал симпатию и сочувствие к России, веру в ее большой внутренний потенциал, в мощь русского народа и русского духа.

¹⁰² Barante P. de. Notes sur la Russie, p. 47–48.

¹⁰³ Barante P. de. Souvenirs, t. 6, p. 628.

¹⁰⁴ Подробнее об этом конфликте см. *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005, с. 172–174.

¹⁰⁵ *Сталь Ж. де.* Указ. соч., с. 22.